

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8 и 9.

**Гале Кулаковской 7 с половиной лет,
Саше Раскиной 2 года 4 с половиной месяца.
1 октября 44.**

Пелась Саше колыбельная — нудная, бесконечная, усыпляющая:

Наши ножки спят,
И животик спит,
Носик тоже спит,
Наши щечки спят и т. д.

И заключительной аккорд:
На-ши гла-зки... спят..

Раньше Саша слушала безмолвно и, мало чего понимая, действительно засыпала. Теперь при слове «животик» она хлопает себя по животу и сообщает: «Вот он!» Услышав «щечки» — восклицает: «пухленькие!», «носик» — «лепешечкой» и т. д.

3 октября 44.

В школе Галя выбрали санитаром. (Кстати, я в школе тоже была санитаром). Учительница сказала:

— Хорошая девочка. Хорошо ведет себя.

Сегодня Галя рассказала мне такую неправдоподобную историю:

— Мама, сегодня нам в тетрадях ставили отметки. Я заглянула, вижу: стоит пятерка. Потом немного погода опять поглядела, смотрю, не пятерка, а четверка. Наверное, кто-нибудь зачеркнул и переправил, да?

Маловероятную эту историю рассказывает несколько фальшивым голосом.

Уходя утром в школу, кровать свою не застилает. Места постоянного для занятий у нее нет. Рук перед едой не моет, никак не приучишь. Беспорядочна, но — не виновата. Семь нянек.

*

Саша, глядя на фотографию, где она снята вполоборота, спросила:

— А где другое ушко?

13 октября 44.

10-го октября Галя заболела ветрянкой. Начали читать с ней «Робинзона Крузо». Боимся, что и Саша схватит то же (ветрянку, а не Робинзона).

*

Саша видит в газете букву «О» и говорит: «Это мячик». (Галя говорила — колобок).

А про букву «Е» сказала:

— Это сломанный мячик.

*

На вопрос: «Как тебя зовут?» Саша отвечает:
— Сашенька миленькая.

15 октября 44.

Саша ворчит старушечьим монотонным голосом: «У, тетя Оля — плохая, страшная, хулиганка, страшная, страшная, плохая...», т. е. награждает няню всеми эпитетами, которыми та награждала ее.

18 октября 44. Запись А. Б.

— Ты работай, а я буду лежать...

*

— Это что?
— Мясо.
— Дай мясо!
— Это сырое мясо.
— Дай сырое мясо!!!

*

— Папа пришла! (Вообще, всё в женском роде.)

*

— Мамочка Флидочка и папочка Шурочка!

22 октября 44.

— А где мама?
— В Туле.
— А что она там кушает?
В самом деле!

*

На днях проснулась ночью, часа в три. Повертевшись, затеяла следующий разговор со спящим папой:

— Папа, я хочу дивача! (одеваться).
— Что ты, Сашенька! Ведь ночь, темно, холодно. Все спят, и ты спи!

Большая пауза, папа засыпает.

— Папа Шура! Папа Шура!

— Да! Что?

— Я буду спать!

— Вот, молодец, умная девочка...

Опять пауза, опять спит папа. Все сказано и вдрут...

— Папа! Ну папа!

— А? Что?

— Я сплю!

(А. Б.)

23 октября 44.

С фронта приехал однополчанин Изи. Привез письмо и ребятам сгущенное молоко.

— Должен вам сказать, что ваш брат хоть и еврей, но очень храбрый человек! — сообщил он.

Что было делать? Гость: не выгонишь. Но я ответила резко, и он скоро ушел.

Все это было про Гале. Она смотрела и слушала, но ни о чем не спросила.

17 ноября 44.

Между Галей и Сашей происходит следующий диалог:

— Мама-Фрида моя, а не твоя! — вопит Саша.

— Нет, она и моя! — вопит Галя.

— Мама-Соня моя, а не твоя!

— Нет, мама-Соня моя тоже!

— Папа-Аба моя, а не твоя!

— Нет, папа-Аба мой!

— Папа Шура моя! — вопит Саша напоследок.

— Вот он действительно твой, и бери его себе, пожалуйста, — соглашается Галя.

*
Саша рассматривает книгу Брэма:
— Вот медведь, *который* живет в лесу.

18 декабря 44.

Галя занимается английским. Саша сидит рядом, сидит довольно чинно, только изредка прерывая свое молчание некоторыми деловыми замечаниями:

— Я не буду плевать.
— Хочу водички попить.
— Покажи колечко.

*
Саша на днях вдруг обнаружила свою тень и сильно испугалась. Не хотела слезать с рук, даже плакала и сопровождала плач воплем:

— Боюсь тени, боюсь тени!

27 декабря 44.

Саше 2 года 7 месяцев.

Саша рассказывает сказку (лежа в кровати перед дневным сном):

«Ирочка, Ирочка! Я тебя застрелю!» Меня интонацию: «А за что ты меня застрелишь? Ты меня не любишь? За что же ты меня не любишь?» Опять басом: «Потому что не люблю! Просто — не люблю!»

И он ее съел. Пузо у него стало большое-большо-о-ое. Потом пришла мамочка с ножом и разрешила ему пузо.

*
Шура собирается уходить: надевает пальто, шляпу. Саша некоторое время наблюдает за ним и наконец произносит следуюшую фразу — тоном удивления и упрека:

— А сидеть и работать?

*
Когда Шура целует Сашу, она всегда спрашивает: «А маму?»
Слыша по радио музыку, кричит мне: «Мамочка, давай тинтовать!»

11 января 45.

Каникулы Галя провела очень весело. Была на елке в Доме Ученых, у Кены [1], в Колонном зале Дома Союзов, в Союзе писателей. Кроме того, была елка у нас. Мы пригласили Эллу, Аленушку, Эдду [*дочь Н. Я. Галь* [2]. — А. Р.], Вову, Вадика [*соседи по квартире, ровесники, соответственно, Гали и Саши.* — А. Р.]. Пели, танцевали, читали стихи, играли. Галя вела себя очень хорошо, была настоящей хозяйкой — внимательной и гостеприимной. Не кривлялась, читала стихи и пела.

В Доме Ученых читал стихи какой-то противный маленький вундеркинд. Я отвернулась. Галя посмотрела с любопытством и спросила: «Ты от стеснения, да?»

За Аленушкой Галя ухаживала по-сестрински, старалась предупредить каждое ее желание. Очень любит Эдду, с нетерпением ждет встреч с нею. Во время каникул занималась — читала, писала, решала примеры. Мне сказала: «По радио сообщили, чтоб двоечники выделили по два часа в день на занятия. Я хоть и не двоечница, но заниматься все равно буду».

Елена Петровна сказала, что Галя отличница (несмотря на ее грязные домашние тетради): хорошо решает задачи, отвечает толково на вопросы, прекрасно читает. Все это очень приятно.

*
Саша говорит:
— Я рассердюсь.

или:
— Мама, папа спит?
— Да.
— Почему же он не храпит?

У Саши приступ навязчивой добродетели. Она с утра до ночи вопит: «Я не плачу, я не плачу!» или: «Я хорошая, я пью лекарство!», «Я не бью Вадика!», «Я не карябаю Гале щечку!» и прочее.

Внешне — день ото дня становится смешнее: настоящая Топси [*девочка-негрityанка из «Хижины дяди Тома» Бичер-Стю.* — А. Р.].

Выучилась у охальника Вадика разным гнусным словам и охотно употребляет их. Подражает Вадике во всем: читает стихи с его интонацией, даже плакать стала так, что не отличишь: он или она.

*
Елена Евгеньевна подарила Гале «Хижину дяди Тома». Сегодня Галя стала читать ее и заявила мне, что «не может оторваться».

*
У Саши большой популярностью пользуется сказка-быль об обжоре Алике, который съедал в день по шесть ташкентских бубликов — норму рабочей карточкой.

Итак: «Вот садится Алик кушать. Вместе с ним садятся дети. Дети кушают картошку, каждый мальчик по картошке, Алик сразу шесть картошек. Дети кушают хлеб с маслом, каждый мальчик по кусочку, Алик сразу шесть кусочков», — и т. д. до бесконечности. Затем у детей заболевают животы. Приходит доктор, прописывает лекарство — каждому мальчику по лекарству, а Алику — шесть лекарств.

*
Саша отчетливо произносит свой адрес. На вопрос «Как твоя фамилия?» отвечает: Вигдорова (Видалава), Раскина и Моррис Слободской [*соавтор А. Б. Раскина.* — А. Р.]!

Стала менее жадной: делится мандаринкой, яблочком, конфетой. Со скрипом, конечно.

*
Забыла сказать: Саша была на елке у Юры Галлая. Вела себя там очень достойно — не верещала, не ругалась. Облюбовала себе мальчика Мишу: увидев у него на костюме брошку-слона, все приставала к нему с вопросом: а он тебя не кусает? Когда играли в карнай, этот мальчик тоже не подкачал и выбрал Сашу: «Я люблю, признаться, всех, но вот эту больше всех». Шура был польщен.

*
Галя на елке получила много сладостей. Я сказала:
— Смотри, не ешь все сразу, ты ведь это умеешь.
Она мягко возразила:
— Ты тоже умеешь.

*
Шура объявил Сашу больной, и бедная девочка вот уже больше недели ни за что ни про что сидит на диване без ботинок. Мечтательно глядя на окружающих, она говорит, немножко растягивая слова:

— Когда я вырасту большая, я надену ботиночки и буду ходить по полику...

Папа Аба, войдя в стиль, подхватывает:
— Где это видано, чтоб дети ходили по полу! Детям надо сидеть на диване и кашлять!

*
Садясь за стол, Саша говорит деловито:
— Сейчас будем кушать.

В еде стала разборчива. Пшеничной каши не любит, требует рисовую. Очень любит мандарины. Однако на днях проявила широту натуры: вынула изо рта последнюю дольку и протянула мне.

30 января 45 года.

Перед сном Саша долго разговаривает сама с собой. Сама спрашивает, сама отвечает, иногда воспроизводит слышанные за день телефонные разговоры.

— Алло, это магазин? Мясо есть? А водка? Сегодня? А зайчики есть? А синие штанишки?

26 февраля 45.

— Саша, мама идет спать, Вадик идет спать, все идут спать. Иди и ты.

— Нет, я не пойду.
— Что же ты будешь делать?
— Я буду любить Галочку.

6 марта 45.

Саша видит, как папа обнял маму (или наоборот было: точно установить трудно), и говорит: «Я сама его люблю...»

У Саши была повышена температура. Ночью она жалобно плакала, вскрикивала, говорила, что боится звездочки и птички.

Папа ее уговаривал, что ни звездочки, ни птички — нет. Тогда она возразила страдальческим голосом:

— Я боюсь кого-нибудь!

31 марта 45. Запись А. Б.

— Папа, дай колбасу-у-у...

— Тебе нельзя.

— Почему?

— Потому, что ты маленькая, будет болеть животик. Вот вырастешь большая, будешь кушать колбасу.

— Папа, купи мне репку, я вырасту большая-пребольшая и буду кушать колбасу!

Видно, хитрый младенец думает примазаться к репке и расти с ней. И запоминает сказки.

(А. Б.)

*

Галя начала по совету бабушки Вали вести дневник. Первая запись от 19 марта гласила: «Сегодня я получила 5 с минусом и 5 с плюсом. 5 с минусом это за арифметику. А 5 с плюсом по чтению. И еще 4 за письмо. Потом я пришла домой и сделала уроки. Уроков нам задали немного. Потом написала письмо Изе. *Это мой дядя.* (Курсив мой! — Ф. В.)

У меня есть сестренка. Ее звать Саша. И еще мы прозвали ее Топси. Саша очень похожа на негра».

Запись вторая от 22 марта:

«У нас в школе много девочек. Но больше всего я дружу со старостой и ее помощницей. Елене Петровне очень трудно ладить с 55 девочками. 54 ничего ведут. Но 55-я ужасно мешает. Елена Петровна хочет выключить ее из школы. Но не удастся. Все учителя ее знают. Она в урок бегает как в перемену. Ну и все. На сегодня хватит».

Фраза-пояснение: «Это мой дядя» напомнила мне вот что: как-то один литературовед, удрученный однообразными и слишком олитературенными рассказами-воспоминаниями о Есенине, решил обратиться к отцу поэта, ожидая от него по-настоящему наивного и непосредственного повествования. И старик начал свой рассказ следующей вполне литературной фразой: «Была темная осенняя ночь. Шел дождь».

Мне казалось, если восьмилетняя Галка примется за дневник, то станет писать без всякого расчета на читателя. Однако — нет.

— Зачем ты пишешь, что Изя твой дядя? Разве ты забываешь об этом? — спросила ее Елена Евгеньевна.

— Нет, это для чужих, — откровенно ответила Галя.

*

На днях за столом у меня произошел острый разговор с одним нашим гостем.

— Выпьем, Фрида, — сказал он, — и забудем все!

Я ответила:

— Обиду утопить в вине нельзя.

Галя, присутствовавшая при этом, заметила мечтательно:

— А в шоколаде можно...

*

Мама Соня сгоряча сказала Саше:

— Не ломай посуду, а то я тебе голову сломаю!

Саша ответила с большой обидой:

— Если сломаешь мне голову, я тебя любить не буду!

Очевидцы утверждают, будто при этом она еще погрозила кулаком.

Восприняла у Вадика гнусную манеру плевать и произносить нецензурные слова. И еще одна отвратительная привычка: кто бы ни сидел за столом, что бы ни ел — в любое время дня, даже тотчас после еды, Саша начинает кланяться: «Дай! дай! картошечку! колбасу!» А если еще не успела взглянуть, то просто: «Дай *это!*»

11 апреля 45. Запись А. Б.

Я работаю, Саша лежит, но спать не хочет. Ей скучно. Изобретает разговор:

— Пап, а папа?

— Что тебе?

— Мне не больно.

(А. Б.)

Александр Раскин (слева) и Морис Слободской.
Довоенная фотография.

15 апреля 45.

Рассказывать про Галку становится трудно. Тут уж не отделаешься перечнем забавных словечек. Уже совершаются поступки. И довольно сомнительного свойства притом.

Со стола учительницы Галя взяла свою классную тетрадь и вырвала оттуда страницы с отметкой 3.

Когда Елена Петровна спросила, кто это сделал, — она заплакала, но ответила:

— Не знаю.

У меня, когда я стала спрашивать, созналась мгновенно, но тоже кроме слез я из нее ничего не выжала. Из уст вырывались отдельные, довольно бессвязные слова:

— Там было грязно... тройки... кляксы...

Поклялась больше не повторять такого.

Завели новые тетради (домашние), выполняем домашние задания совместно, т. е. я наблюдаю.

22 апреля 45.

Саша угрожает Шуре:

— Если не дашь картошечки, я буду говорить *такие* слова!

— Саша, гадкая девчонка, не бей Вадика.

— Я не девчонка, я Сашенька, я хорошая девчонка!

4 мая 45.

— Саша, вот банка, тут сгущенное молоко, а вот на банке мальчик нарисован, видишь?

— А мальчик тоже сгущенный? — спрашивает Саша.

*

— Галя, какую отметку ты получила сегодня?

— Четыре с минусом за письмо.

— Вот пробка! Вот дура старая! — восклицают одновременно мама Соня и папа Аба по адресу учительницы.

Заметим при этом, что папа Аба кандидат *педагогических наук*.

Я строго-настрого запретила Гале вырывать из тетради листы. На днях увидела, что из тетради по письму вырван лист. Объяснение последовало неслыханное:

— Это папа Аба вырвал. Я ему сказала, что ты не разрешаешь, но он ответил: ничего, мы потихоньку от мамы Фриды. А то очень уж грязный листок — лучше вырвать!

Папа Аба был допрошен и сознался. Поставлю в соответствующих инстанциях вопрос о снятии с него звания кандидата.

*

Галя очень много хнычет, чуть что — начинает разговаривать плаксивым тоном. Это очень раздражает, но я все вспоминаю рассказ Гарина-Михайловского «Исповедь отца». Если разыщу его, перепишу сюда целиком.

Он говорит: бывает, что у ребенка нервы болят. Надо переждать, пока они переболят. И не сердиться, не кричать... Только это трудно. Особенно, когда у самой нервы болят.

*

Шура натренировал Сашу, и она поет:

Бом, бом, тили-тили,
Папе пьесу разрешили.

А если спросить: «Кто разрешил?», Саша отвечает: «Наш славный лепертком» [*Репертком. Репертуарный комитет.* — А. Р.].
— А кто будет ставить? — Акимув. [3]

*

— Мама, дай я скажу тебе на ушко! — и при этом прикладывает свое ухо к моему.

7 мая 45.

Гале 8 лет 1 месяц, Саше 2 года, 11 месяцев, 20 дней.

Сегодня делали с Галей уроки. У нее было очень хорошее настроение. Быстро считала, легко решила задачку; написав 30 вместо 32, не захныкала, против обыкновения, а предложила сначала решить пример с цифрой 30, а потом уж дополнительно с 32-мя.

— Ты почему такая веселая сегодня? — спрашиваю.

— Я потому такая веселая, что в школе было очень интересно. Решали интересную задачу, читали интересный рассказ, а потом пели.

Учительница у нее, видимо, хорошая. Только зовет их по фамилиям. А нас Анна Ивановна всегда звала по именам. Потом однажды у них в классе был такой случай: у одной из девочек пропало 10 рублей. И учительница устроила обыск: перерыла у всех портфели, обшарила карманы. Я не знаю, как следует поступать в таких случаях, но твердо знаю, что Анна Ивановна ни при каких обстоятельствах обыска не стала бы делать.

Впрочем, что ж вспоминать Анну Ивановну — таких все равно нет. [4]

ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ!

СЕГОДНЯ — 7 МАЯ!

Галино письмо:

«Дорогая моя бабуся! Вот и Шура едет в Ленинград. А меня опять не берут... Я так хотела тебя видеть. Бабуся! Сегодня радостный день! Война кончилась! Теперь кажется мы скоро увидимся. Целуем мы тебя все. Жилаем щастя и здоровья».

На этом месте Галю позвали купаться. Последние строки она дописывала торопясь. Ждем салюта...

Его не последовало. Взяли Бреслау. А салют в честь окончания войны — еще впереди.

8 мая 1945.

Сегодня Шура уехал в Ленинград. На это время Галя переселяется в нашу комнату. Безумный восторг, блестящие глаза и безудержная жажда деятельности: подметает, вытирает пыль, а ко мне обращается не иначе, как «мамочка милая».

Мы с Галей сидим в своей комнате: я пишу, Галя читает. Саша ломится в дверь, мы не открываем. Саша стучит, а потом начинает плакать и лицемерно подвывать:

— Хоочу к мамочке, к моей дорогоооо! Мааамочка, открой! Дорогаая, открой! Мамочка, пожааалуйста, открой!

«Пожалуйста» меня добивает, и я прошу Галю открыть дверь.

9 МАЯ — ПОБЕДА!

Весь день ребята провели на улице. Галка — та, вероятно, все запомнит.

13 мая 45.

Галя с презрением рассказывает о каких-то подлых девчонках и кончает так:

— Ну, они татары...

Долго толкую ей, что нельзя дурные поступки объяснять национальностью. Нет плохих народов.

— А немцы?

Стала ей рассказывать о Моцарте, Бетховене, немецких коммунистах и чувствовала себя преглупо.

*

Сегодня Саша с плачем повторяла няне:

— Вот придет мой папа Шура из Ленинграда, я ему скажу, что ты меня обижала.

Сейчас проснулась и сказала совсем Шуриным — встревоженным — тоном:

— Вся потная.

16 мая 45 года. День Шашиного рождения.

Саше — 3 года. Черноглаза, смугла, очень забавна. Смешно разговаривает, но, мне кажется, она не очень счастлива, если это можно применить к трехлетнему ребенку. Она много плачет — воет, совсем как писал Гарин про своего младенца. Протяжно, монотонно и подолгу. И беспричинно как-то. А когда берешь ее на руки, прижимается к тебе всем телом, щекой к щеке, крепко обнимает руками вокруг шеи и может находиться в таком положении без конца.

На днях мы лежали в постели — я, Галка, Саша. Саша чихнула. Я сказала: «Будь здорова». А Галка сказала: «Болей!»

У меня произошел с ней по этому поводу короткий, но выразительный разговор. Даже шутить так нельзя.

Немного погодя Саша рассказывала маме Соне:

— Мы лежали на кровати, я кашлянула, мама сказала — будь здорова, а Галочка сказала — болей.

Саша изложила эту историю трижды. Сегодня утром, придя к нам в кровать, притворно кашлянула и обратилась ко мне: «Мама, скажи: будь здорова!» Я сказала: «Будь здорова!»

Тогда Саша повернулась к Гале:

— А ты что скажешь?

*

О Шуре не спрашивает больше. Он послезавтра должен приехать. Интересно, как они встретятся.

18 мая 45.

Сегодня Галя принесла табель с отметками: переведена во 2-й класс. Мне бы тут же ее поздравить, а я посмотрела: вместо пятерок — четверки и стала ей выговаривать: почему во второй четверти все было отлично, а теперь только хорошо? и прочие скучные и ненужные вещи. Простить себе не могу! Она пришла радостная, оживленная, директор поздравил их с переходом во второй класс, а я-то...

Она сразу поникла. Я, опомнившись, обняла, поцеловала, поздравила ее, но, боюсь, ничего не исправила.

19 мая 45.

Дедушка, он же папа Аба, — был умнее меня. Он пришел, поздравил с хорошими отметками и переходом во второй класс. Галя ответила металлическим голосом:

— Что ж поздравлять, когда всё четверки.

А потом добавила:

— Я все свое старание приберегла для второго класса.

*

Саша говорит: «Хочу встречать своего папочку Шуручку!»

*

Корней Иванович [*Чужовский.* — А. Р.] сказал, что Саша «трагически похожа на Раскина».

20 мая 45.

Шура отметил свой приезд тем, что велел надеть Саше шерстяные рейтузы.

Запись А. Б.

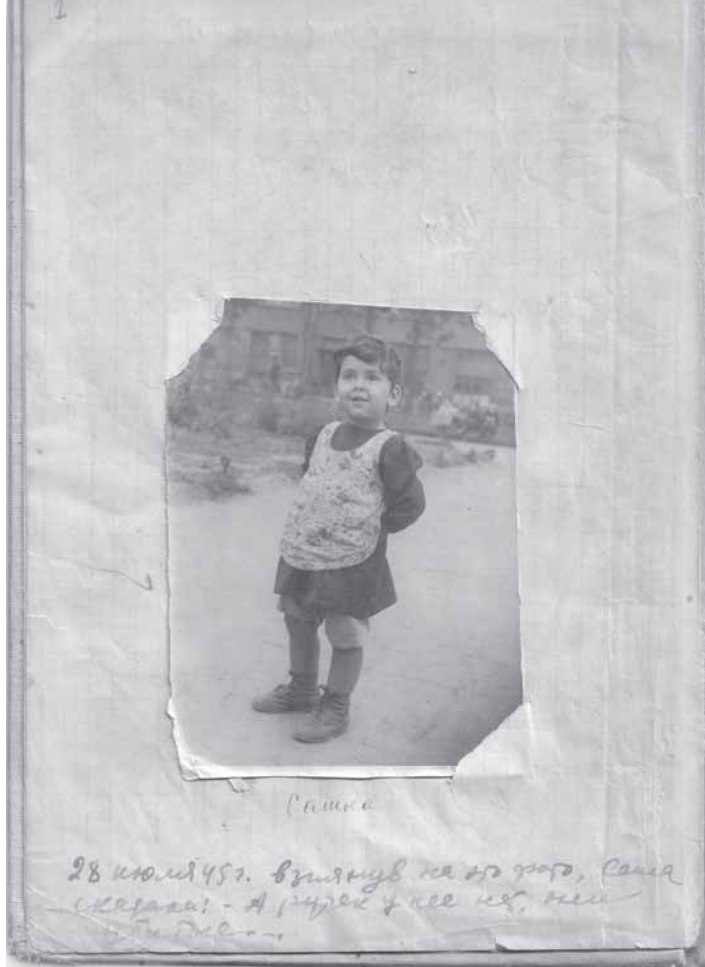
Да, велел, поскольку ребенок простужен и в доме еще холоднее, чем на улице. Довольно глупо вышучивать правильные поступки. Это я пишу не для себя, не для Фриды и не для третьих лиц, а для самой Саши: когда будет старше, пусть понимает, кто о ней заботился, а кто нет. Папа.

(А. Б.)

16 июня 45. Удельная.

Перед отъездом в Удельную у нас с Галей был деликатный разговор: с нами вместе снимают дачу знакомые, очень гостеприимные люди. Я просила Галю не пропадать у них целыми днями, не мешать им. Она обещала. Она всегда очень легко обещает.

**Саша. Лето 1944 г. Подписано рукой Ф. А.:
28 июля 45 г., взглянув на это фото,
Саша сказала: — А ручек у нее нет, они убитые.**

И все же, как только наверху обед или завтрак — она там. Снова разговаривала, объясняла, что нехорошо это, пыталась призвать на помощь самолюбие. И вот вчера, после того, как мы позавтракали, приходит Берта Львовна и приглашает Галю завтракать к себе. Галя умоляюще смотрит на меня. Я — с удивлением на нее: ведь ты только что ела?

А она в ответ:

— Ну что же я ела... одно яичко...

Берта Львовна:

— Ну, вот и пойдём: у меня рисовая каша, сгущенное молоко (!), пойдём скорее.

Галя опять смотрит на меня, видит, что я рассержена, краснеет, на глазах появляются слезы. Я пожимаю плечами, она некоторое время мнетя, а потом идет. Была она сыта, перед приходом Берты Львовны отказалась доедать простоквашу, а яйцо ела без хлеба.

Можно найти всему этому невинное объяснение: там дети и с ними есть веселее. Но у меня из головы не выходят слова: «Ну, что же я ела... одно яичко...»

Очень противно.

*

Обе — и Саша, и Галя — выглядят чудесно: Саша смуглая, Галя румяная. Сашу остригли, она подурнела, очень похожа на жука. Галя, напротив, похорошела. Блондинка с карими глазами и очень длинными ресницами. И ямочкой на щеке.

Галя очень гордится мною. Когда я играю с детьми, или читаю им, или бегаю, она на всех смотрит почти победоносно и старается подчеркнуть наши родственные отношения. Ведет себя гораздо лучше, чем в Москве, спокойнее. О лагере и слышать не хочет. Если бы только не эта история с Бертой Львовной...

*

Саша:

— Мама, мне немцы всю спину покусали.

Речь идет о комарах. Все неприятное привычно связывается ею с немцами.

Ей тут хорошо. Не плачет.

*

От нечего делать я сообщила Саше, что главную роль в пьесе папы и дяди Мориса будет играть Юнгер (чтоб продолжить диалог «Бом, бом, тили-тили, папе пьесу разрешили»). Саша запомнила и, когда ее спрашивали: «Кто будет играть главную роль?», отвечала: «Юнгер».

Прошло несколько дней. Я снова спросила:

— Кто же будет играть главную роль?

Саша подумала с минуту и ответила:

— Кенгуру...

17 июня 45.

Я выгоняю из комнаты кошку. Саша горячо заступается за нее: «Ну, мама, ну, не надо, ведь она совсем маленькая, она ничего не понимает...», т. е. говорит все слова, которые произносят обычно в ее защиту: «маленькая, ничего не понимает».

23 июня 45.

Берта Львовна созывает своих ребят обедать.

— Галя, хочешь есть? — спрашиваю я.

— Вообще — нет, но с ними — хочу, — отвечает Галя со всей откровенностью, на какую только способна.

*

Мы сидим за столом и едим землянику.

— Съедем еще немного, а остальное я оставлю тете Оле, — говорю я.

— А я оставлю папе Шуру, — говорит Саша.

С минуту мы молчим. Сашина тарелка пустеет медленно, но неуклонно.

— А как же папа Шура? — спрашиваю я.

Саша отвечает вопросом на вопрос:

— Ты кому оставишь землянику?

— Тете Оле.

— Ну, а тетя Оля оставит папе Шуру.

*

Галя:

— А когда будет затемнение солнца?

*

— Ты гадкая и жадная девочка, — говорю я Саше.

— Я не буду с тобой водиться, если ты ругаешься, — отвечает она, плача.

13 июля 45.

Саша ест булку с маслом. Подходит Галя:

— Ты что кушаешь?

Саша делиться не хочет. Поэтому она предусмотрительно отвечает:

— Это гадость. Невкусно.

*

Берта Львовна воспитывает двоих чужих детей. Они любят ее, слушаются. Галя постоянно у них и принимает участие во всех делах — дежурит (убирает, моет посуду), играет, занимается.

Сказала мне вчера:

— Почему ты не разрешаешь много бывать у тети Берты? Ведь она делает меня хорошей. Даже тетя Оля (няня) говорит, что я стала хорошей.

(Продолжение следует)

[1] Кена Иосифовна Сондак, в замужестве Видре — младшая подруга Ф. А., литератор. Начиная с восьмидесятых годов К. И. Видре опубликовала несколько мемуарных статей о Ф. А.

[2] Нора Яковлевна Галь, ближайшая подруга Ф. А. — еще по институту, филолог, впоследствии известная переводчица.

[3] Николай Павлович Акимов, ленинградский театральный режиссёр. Ставил пьесу А. Раскина и М. Слободского «Звезда экрана», по которой авторами был написан сценарий вышедшего впоследствии фильма «Весна».

[4] Анна Ивановна Тихомирова — учительница, преподававшая в той московской школе (№ 14), где девочкой училась Ф. А. Вигдорова. Дружба, завязавшаяся между учительницей и ученицей, сохранилась до последнего дня жизни Фриды Абрамовны.